

ДЖЕЙД
ДЭВЛИН

МСТИСЛАВА
ЧЁРНАЯ

АКАДЕМИЯ
ТАЛИСМАН

ТЕОРИЯ ДВОЙНОГО ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Джейд Дэвлин

Теория двойного предательства

«Автор»

«Автор»

2026

Джейд Дэвлин

Теория двойного предательства / Джейд Дэвлин — «Автор»,
«Автор», 2026

Когда отличница-заучка узнаёт, что её «бедный» возлюбленный на самом деле наследник герцогства, поспоривший на неё с мажорами, она решает не плакать, а переиграть его. Вот только у бывшего аспиранта-книжного червя, который помогает ей с переводами, тоже есть тайна.

© Джейд Дэвлин, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Джейд Дэвлин

Теория двойного предательства

Глава 1

Задержав дыхание, я вслушивалась в голоса за приоткрытой дверью. Студенческий клуб на третьем этаже академии «Талисман» в этот час обычно пустовал, все разбегались по комнатам готовиться к завтрашним лекциям, но сегодня здесь собралась компания с нашего факультета.

Хотела уже пройти мимо, но вдруг услышала... Бархатный баритон Ингрема я узнала бы из тысячи, и говорил он совершенно точно обо мне.

— ...сама полезла переводить стихи из корпуса Дакийской гробницы, представляешь? — Его голос сочился смехом. — И руна-ключ ее не смутила. И понятное дело, вместо заклинания у нее получилось проклятие. Если бы я не принял его на себя, наша отличница слонялась бы сейчас по дакийскому музею привидением безвременно почившей неудачницы. То есть это она так подумала, а я не стал разубеждать.

— Я другого никак не пойму, — лениво протянула Илейн, первая красавица нашей группы, которую я раньше как-то не замечала в компании Ингрема. — Зачем ты до сих пор позволяешь ей таскаться за тобой? Выгнал бы дуру.

— С ума сошла, Илейн?! Это лучший семестр в моей жизни! Или вместо нее сводить таблицу соответствий эльфарских рун, северной вязи и подгорных иероглифов будешь для меня ты? Вон вчерашний доклад, который магистр Жакко объявил лучшим, она писала, еще и почерк мой научилась повторять, мне даже переписывать самому больше не нужно. Я просто говорю ей, что ночью опять болела голова, и она бежит к подружке с целительского добывать для меня тонизирующий эликсир.

Его рассказ потонул в хохоте.

Я почувствовала, что превращаюсь в ледяную статую. Мозг отказывался воспринимать реальность. Этого не может быть!

Этим летом прямо перед практикой на наш поток перевелся стипендиат по обмену из Андрахарской академии. Говорили, что он выиграл грант, что его семья — простые фермеры с северных равнин, что он приехал с одним саквояжем и надеждой получить диплом, который откроет ему путь к большой магии. Вроде бы в Андрахаре какая-то мутная история вышла, по слухам, в травле оказались замешаны дети очень высокопоставленных лиц. И жертву, получается, убрали от греха подальше в нашу академию.

Додумались, конечно, перед такой ответственной и опасной практикой.

Ингрем и так был не в лучшем состоянии, а когда мы всей группой нарвались на неупокоенное гоблинское захоронение в тайринских лесах... Однако он все равно не струсил и встал передо мной, загораживая от удара, давая возможность построить плетение, которое нас в конце концов и спасло. Но раны мы получили.

Вот так, с его смелости и моего упрямства, на котором я только и вытянула здоровенного лба из опасного места до целительского корпуса «Талисмана», все и началось. Потом, уже в академии, я попыталась расшифровать злополучное заклинание в одном из фолиантов. И странную руну-ключ я помню, но я же заранее нашла ее значение. Вроде бы. И в тот день спокойно сидела в западном крыле библиотеки за тем самым столом у окна, где мы с Ингремом обычно делали домашние задания. Он сидел рядом, как всегда, переписывал мой конспект.

Я помню, как в воздухе резко похолодало, как Ин вскочил и тетради полетели на пол. Как он вскинул руку и притянул формирующееся проклятие на себя. Магические светильники над головой мигнули, будто даже они испугались.

— Ин, тебе нужно к целителям, срочно.

— Шутишь? — поразился он, стискивая виски. — Я умею гасить проклятия. У нас в Андрахаре этому учат с первого курса.

— Но... — растерялась я.

Да, у некоторых магов есть талант справляться с темными воздействиями, для них это как простудой переболеть — с лекарством легче, но и без него можно.

— Юна, если я пойду к целителям, тебя отчислят за нарушение техники безопасности и создание угрозы жизни студентов, — с трудом проговорил он. — Забудь. Пара дней — и стану как новенький.

Быть отчисленной с волчьим билетом из академии для меня катастрофа. Я понимала, что поступаю неправильно, но позволила Ину себя уговорить. Раз он считает, что обойдется без целителей, то почему я должна спорить и переубеждать? Особенно когда вопрос коснулся журнала, в который наши целители обязательно внесли бы обстоятельства появления проклятия, а поскольку он меня от этого уберег, то в нашей жизни появилась стоимость услуг лекарей мимо официального пути. Вот тут я парня понимала без лишних объяснений на собственном опыте. Когда в кармане вошь на аркане, три раза подумаешь, куда ее тратить, вошь эту.

И вот два месяца я верила, что Ин раз за разом спасает меня чуть ли не ценой собственной жизни. Более того, я делала все, чтобы помочь ему справиться с последствиями и выздороветь. Я брала на себя всю его учебную нагрузку, писала за него доклады, я взяла две подработки, потому что у стипендиата из провинции по определению не могло быть много денег на лечебные зелья.

Почему я это делала? Потому что... потому что, когда я спросила, зачем он меня спасал и подставился, он страшно смутился и так посмотрел... а потом робко признался, что...

Я всегда думала, что влюбляться в академии — чушь несусветная и незачем забивать себе голову такими глупостями. Здесь надо учиться, выгрызая свое будущее из гранита науки буквально зубами.

Но последние два месяца все изменили. Я нашла того, рядом с кем любая учеба, любой конспект, даже самый нудный, становился в радость.

Мы смеялись вместе и огорчались вместе, Ингрем разминал мне плечи и делал горячий чай после второй подработки. Он надевал свой скромный синий китель без золотого шитья, и я думала, что мы похожи — двое бедных студентов, которые пробиваются сами.

А теперь он сидел там, за дверью, в компании наших факультетских мажоров и говорил такие вещи, в которые я просто не могла поверить.

Однако оставаться наивной и продолжать плавать в розовых облаках я тоже не могла.

— Но сама история вышла забавная, конечно, — в мои мысли ворвался нежный голос Илейн. — Наследник Андрахарского герцогства притворился нищим стипендиатом и растопил вековые льды в сердце нашей заучки! Не зря вы с Нарвудом поспорили на тысячу золотых, что эта сушеная селедка сдаст бастионы еще до конференции. Скажи, вы уже переспали?

У меня остановилось дыхание. Правда, я действительно перестала слышать, как дышу, потому что воздуха не осталось.

— Не твое дело, Илейн, — недовольным голосом отозвался тот, кого я принимала за близкого человека, такого же как я. — В любом случае это моя игра. После того как меня чуть не отчислили из-за того дурацкого случая, когда мы немного развлеклись с северным придурком, а он оказался неожиданно силен и чуть не покалечил цвет герцогства, пришлось временно отложить все другие забавы. Так почему бы не поиграть пока с этой серой мышкой?

— Мышка стала совушкой, — заметил Нарвуд. — Круги под глазами у нее знатные. Она же и конспекты за тебя ведет, и доклады пишет, и, если не ошибаюсь, бегают по двум подработкам за гроши, лишь бы помочь бедному возлюбленному. Какая самоотверженная совушка! Как представлю ее медные грошики рядом с твоим бюджетом на запонки, смех берет!

— Она даже не знает, что я ношу артефактные кольца, — хмыкнул Ингрэм. — Прячу их в карман, когда мы встречаемся. А то вдруг бедный стипендиат разбогатеет?

Смех грянул снова. Я услышала звон бокалов — они отмечали мою глупость.

Зрение туманилось. Коснувшись щеки, почувствовала влагу — оказывается, я беззвучно плакала. Не в силах больше выносить их смех, я крадучись попятилась, затем развернулась и опрометью бросилась прочь. Чтобы меня точно не увидели, я свернула на лестницу, спустилась на этаж и только тогда смогла выдохнуть.

Доковыляв до ближайшего окна, прижалась лбом к стеклу, впитывая через него вечернюю прохладу. Снаружи, под куполом академии, мерцали звезды. Ректор Торвальд Фрейр сегодня явно пребывал в благодушном настроении, небо было чистым и ясным, без намека на дождь. По коридору за моей спиной пронесся бумажный самолетик «Сплетника» — кто-то запустил свежий выпуск, но сегодня мне было не до чужих сплетен.

Чем дольше я стояла, тем яснее мне становилось, что Ин расчетливо меня использовал, дергая за ниточку близости и подкармливая сладкими иллюзиями. Я вспомнила его улыбку, его руки, когда он помогал мне нести книги. Вспомнила, как он «случайно» задерживался в библиотеке после моей смены. Как «неловко» касался моих пальцев, принимая конспекты. И наш первый робкий поцелуй, после которого я почти до утра не могла уснуть...

Все это было ложью.

Слезы душили, я чувствовала себя круглой дурой и совершенно не понимала, что мне теперь делать. Вернуться и на глазах у всех порвать эссе, которое я для него написала? Притвориться, что я ничего не знаю?

Тряхнув головой, я постаралась навести в мыслях порядок. Ингрэм действительно закрыл меня собой на практике в тайринских лесах — это факт. Ингрэм подавил проклятие, которое я по ошибке вызвала в западном крыле библиотеки, тоже факт. Он спас меня от отчисления.

И он же поспорил на меня со своими друзьями-мажорами. Смотрел, как я выжимаю из себя последние соки, пытаюсь хоть немного заработать, чтобы помочь ему. Смеялся про себя над моей наивной влюбленностью. Прятал в карман артефактные кольца, чтобы я думала, что он такой же бедняк, как я.

Так что он будет делать, когда я спрыгну с крючка? Сам займется своими домашними заданиями или перейдет от игры в любовь к другим играм?

Я сжала кулаки. Если он думает, что я просто сдамся и буду дальше плакать в подушку, он ошибается. Я не для того сбегала из дома в столицу, поступала сюда на бюджет, заучивая фолианты до дыр, чтобы позволить какому-то андрахарскому аристократу сделать из меня посмешище. Академия «Талисман» стала моим домом. Хрена лысого я позволю кому-то меня отсюда выгнать!

Оглянувшись на пустой коридор, я выпрямилась и пошла к лестнице. Магические светильники над головой мерцали теплым янтарным светом, отражаясь в полированном камне пола.

Я еще не знала, что буду делать завтра. Но знала точно: я больше не буду прежней наивной заучкой, которая готова отдать последнее ради чужой улыбки.

Глава 2

Я проснулась оттого, что подушка под щекой была мокрой. Слезы, кажется, не прекращались даже во сне. Магический светильник под потолком уже погас — значит, наступило утро. За окном было серо и сыро. Ректор Фрейр, видимо, тоже проснулся не в духе.

Я заставила себя сесть. Голова гудела, веки опухли, и все тело ломило, будто я всю ночь бегала от гоблинов в тайринских лесах. В зеркале на внутренней стороне шкафа отразилось осунувшееся лицо с красными глазами — точь-в-точь умертвие, которое забыли похоронить. На мне был вчерашний серый костюм, мятый.

Соседка Лия уже ушла, ее кровать пустовала, покрывало, как всегда, было аккуратно заправлено. Такая же скучная заучка, как я, вечно убегающая на рассвете в библиотеку. Мы с ней почти не общались, и сегодня это пришлось прямо кстати. Не хватало еще отвечать на вопросы, почему у меня такой вид.

Я кое-как доползла до умывальника, плеснула в лицо ледяной водой и зевнула. Ох, гадство... Надо бы идти на лекцию. Первой в расписании стояла теория лхасских рун, предмет, который никогда не был моей специализацией. Я ходила на эту кафедру только потому, что Ингрем с утра «чувствовал себя особенно плохо». Преподаватель имел отвратительную память на лица и великолепную на руны и собственные формулировки. Если на зачете студент пытался сказать все то же самое своими словами, это автоматически снижало его оценку.

Я сжала кулаки, еще раз глянув на свое бледное отражение. Конспект. Я должна была сделать конспект для Ингрема. Еще вчера я бы вскочила и побежала, лишь бы не подвести любимого. А сегодня...

Сегодня я не могла. Не могла после трудного непрофильного конспекта сидеть рядом с ним и делать вид, что ничего не изменилось. Не могла слушать его «беспомощное» дыхание и видеть эту фальшивую улыбку.

Пора принимать решение. Итак!

Я не пойду на лекцию к Ингрему. Вместо этого пойду в библиотеку и разберусь с тем проклятым переводом из Дакийской гробницы. Я должна понять, что именно пошло не так.

В животе урчало, но аппетита не было. Я все равно спустилась в столовую, просто чтобы не упасть в обморок посреди библиотеки. Тетушка Марлена уже хлопотала у раздаточной, и в зале пахло свежей выпечкой и луковым супом. Марлена была рыжеволосой громадиной с руками, способными одной скалкой утихомирить роту некромантов. Увидев меня, она нахмурилась, и ее голубые глаза блеснули из-под сурово сведенных бровей.

— На упырицу похожа, — вздохнула она, протягивая мне бутерброд с сыром и кружку горячего кофе. — Ешь давай. И не смей отказываться, знаю вас, отличниц, ты опять ничего не ела.

Я послушно откусила, хотя кусок в горло не лез. Сзади уже выстроилась очередь, и Марлена только махнула рукой, отпуская меня.

Выходя из столовой, я поймала бумажный самолетик, который спикировал прямо мне в ладонь — свежий выпуск «Сплетника». Я развернула его уже на ходу:

«Триша Вайтстоун бросила оскорбления в лицо одному из организаторов конференции, но стоило ли так неосмотрительно демонстрировать пренебрежение представительнице старинного некромантского рода?»

Я фыркнула и притормозила, чтобы пробежать глазами заметку. Чисто отвлечься от собственных проблем. Не только Триша попала в выпуск. «От ненависти до любви! Асель Рэнетт бросила вызов темному магу Кайрену Эрбису — и тот позвал ее на свидание. Станные предпочтения или случайная история любви?»

Впрочем, я тут же забыла, о чем читала и, тряхнув головой, направилась к факультетской библиотеке. Вернее, к библиотеке герцога Андрахарского, ее так называли в честь выпускника, который лет двадцать назад передал на кафедру свое личное собрание редких книг.

Библиотека располагалась в северной башне, в круглом зале с высокими стрельчатыми окнами. Свет сюда проникал сквозь витражи, отбрасывая на каменный пол разноцветные блики — синие, алые, золотые. Вдоль стен высились стеллажи из темного дерева, и каждый был уставлен фолиантами в кожаных переплетах. Я знала здесь каждую полку. За четыре года учебы я облазила все что можно и теперь уверенно направилась в дальний угол, где среди толстых словарей пряталась потрепанная брошюра в бумажной обложке — сборник стихов Дакийской гробницы — вытатила ее, пролистала до того самого девятого стиха.

Теперь, когда я знала правду об Ингреме, я смотрела на текст иначе. Я искала или ошибку в своем переводе, или... подвох все же? Некую деталь, которую я пропустила, потому что была слишком доверчива и слишком старалась помочь «больному» любимому.

Я так ушла в чтение, что не заметила, как скрипнула дверь, и не услышала шагов. Только когда между моим носом и страницами появилась рука с массивным серебряным перстнем, я вздрогнула и подняла голову.

Передо мной стоял Микаэль, только смотрел он не на меня, а на брошюру в моих руках, и его лицо, обычно рассеянное, почти сонное, вдруг стало напряженным. Без очков, которые он обычно носил, взгляд его серых глаз казался слишком внимательным, слишком острым.

Я невольно задержала дыхание. Обычно Микаэль выглядел как типичный книжный червь: темные лохмы, вечно торчащие в разные стороны, мешковатый пиджак, очки, сползающие на кончик носа. Но сейчас, когда он стоял так близко, я заметила, что его черты на самом деле были резкими, почти аристократическими. Как у человека, который привык повелевать, а не сидеть в пыльных архивах.

— Где ты взяла эту детскую литературу? — спросил он, и в голосе не было обычной рассеянности. Он мягко потянул брошюру на себя.

Я крепче вцепилась в нее.

— Как обычно, на полке между четвертым томом Большого рунического словаря и первым томом сборника лхасских легенд, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал тверже, чем я себя чувствовала.

Микаэль приподнял бровь.

— Как обычно?

Я не ответила. Вместо этого сказала:

— Я пришла перечитать девятый стих, а ты отвлекаешь.

Микаэль не отпустил брошюру. Я видела, как он колеблется: с одной стороны, опасный текст следовало отобрать, с другой — я ясно сказала, что уже знакома с ним, то есть отбирать поздно.

— Почему именно девятый?

— Потому что предыдущие я расшифровала, — призналась я. — А в девятом вместо заклинания у меня получается проклятие. И я не могу понять, где ошиблась.

— Чушь какая, — нахмурился Микаэль.

Он наклонился ближе, и я почувствовала запах старой бумаги и чернил, смешанный с чем-то свежим, почти хвойным. Его пальцы легко коснулись страницы, и я заметила, что на его ладони есть несколько тонких шрамов, как у человека, который не только читал книги, но и работал с опасными артефактами. Хм-м-м, наш книжный червь? Когда это он успел?

А Микаэль тем временем всмотрелся в руны. На его лице появилось выражение сосредоточенности, которого я раньше у него не видела. Потом он вдруг приподнял ладонь, собрал пальцы в щепотку, словно держал в руках что-то невесомое, и резко дунул на страницу.

Руны на моих глазах дрогнули. Замерцали. Начали менять очертания, будто с них снимали слой за слоем. Иллюзия спадала, как сходит лак со старой картины. Под ней оказались совсем другие символы.

Глава 3

Микаэль выпрямился.

— Знаешь, — сказал он тихо, — такое ощущение, будто это сделали нарочно. В качестве ловушки для кого-то... Надеюсь, никто не попался?

Я стояла перед ним и моргала, как сова в полдень. Ловушка? Никто не попался? Да если бы! Я как раз попалась обеими ногами. Наступила, еще и попрыгала в ней.

Но говорить это вслух я не собиралась. Я еще не знала, кому можно верить. А Микаэль хоть и был аспирантом, хоть и помогал всем с переводами, хоть и считался моим хорошим другом, но все же близким другом не был. Не был ведь? Я в последнее время совсем запуталась.

— Потому и сказала, что не могу понять, где ошиблась, — соврала я. — А оказывается, руны были не те.

— Не лги, — прищурился Микаэль.

Его взгляд действовал странно. Что-то в нем было располагающее, теплое, и я не о магии, не о наведенном очаровании. И в то же время эта теплота была строгая и немного требовательная даже. Я замотала головой, но это только подтвердило его догадку.

Что именно Микаэль сделал, я не поняла. По щелчку его пальцев меня охватило сизое свечение — мягкое, почти невесомое, но ощутимое, будто меня окутали теплым воздухом. Он проворно выцепил из кармана очечник, достал очки и прижал к лицу, даже не раскрывая дужек.

— Я... — начала я.

— А есть след! — перебил он. Одной рукой он продолжал удерживать очки, другой поймал меня за плечо — крепко, но не больно. — Тебя краешком зацепило. Кто-то рядом с тобой погасил проклятие. Кто?

Я молчала. Сдавать Ингрема не хотелось. Сама вляпалась, сама и должна разобраться.

— Юна, — сказал Микаэль, и в его голосе появились новые нотки. Стальные. — Не пытайся сделать из меня идиота. Рунические проклятия — моя специализация. А такие ловушки, как эта, еще и противозаконны. У нас в академии никто прежде не баловался подобными штучками. Они скорее в ходу среди золотой молодежи Андрахара.

Я вздрогнула. Он сказал «Андрахар». Назвал ту самую страну, точнее герцогство, откуда приехал Ингрем.

— Это, случайно, не связано с твоим новым дружкой? — продолжал Микаэль. — Как там его? Тем парнем по обмену?

Я заморгала, шокированная скоростью его мысли и точностью, с которой он все определил. Но жаловаться и сдавать Ингрема я не собиралась. Даже если он использовал меня.

— Да ну, это тебе просто кажется, — сказала я, отступив на шаг. — Но спасибо за консультацию. Если у меня снова возникнут вопросы, я непременно приду именно к тебе!

Я сунула брошюру в сумку и попыталась уйти. Микаэль поймал меня под локоть, шагнул ближе и немного в сторону, перекрывая путь к отступлению. Совершенно не смущаясь, он выудил из моей сумки брошюру и переложил в свой и без того туго набитый портфель.

— Убедила, — сказал он. — Если захочешь дальше разбирать тексты, приходи. Но под моим присмотром. Кстати, в этой тетрадке приведены стихи, украшавшие стены погребальной камеры. А у меня есть сборник заклинаний с внутренней стороны крышки саркофага. Хочешь?

Я замерла. Микаэль предлагал мне то, от чего я просто не могла отказаться. Я мечтала об этом сборнике!

— Хочу... — вырвалось у меня прежде, чем я успела подумать.

Микаэль усмехнулся, коротко кивнул. Очки он снова спрятал в очечник, и его открытый взгляд без стекол почему-то цеплял за душу. Я не могла понять, что за сложные эмоции в нем бурлят. А во мне самой? Ой, да не до того сейчас, Юна, прекрати!

— Тебе пора? — спросил он, не двигаясь с места.

— Ага, еще перевод доделать к последней паре, — пробормотала я.

— Как бы чисто твой дружок ни подавил проклятие, — сказал вдруг Микаэль, и голос его стал тише, — я знаю, куда смотреть, что искать. Я увижу.

— Да чтоб тебя! — вырвалось у меня. Я думала, с неприятной темой мы закончили.

— Юна, — окликнул он меня, когда я уже повернулась к выходу, — если он будет создавать тебе проблемы, хоть какие-то, просто скажи. Впрочем, я и сам присмотрю.

Я не обернулась. Только кивнула и вышла за дверь, чувствуя на спине его взгляд. Сердце колотилось где-то в горле. Тревога и странное, почти теплое чувство смешались в груди. Странно, откуда оно взялось?

Я шла по коридору и чувствовала, как это тепло сменяется на злость, холодную и совсем не похожую на вчерашнюю отчаянную боль. Саму себя хотелось схватить за шкирку и как следует встряхнуть: Юна Стерлинг, хватит ныть!

Для начала сделаем вид, что ничего не случилось. Ингрем будет ждать меня после лекций в западном крыле библиотеки, и мне надо морально подготовиться к этой встрече.

Притворяться, что я по-прежнему глупая влюбленная дурочка, прямо отвратительно. Но пока у меня нет ясности с проклятием и ролью Ингрема в этой истории, я не могу рвать отношения. Хочу ответы! Что это вообще было и зачем? Ну не ради же тысячи золотых в самом деле?

После занятий Ингрем действительно сидел за нашим привычным столом в библиотеке. Увидев меня, он отложил книгу и улыбнулся. В его глазах мелькнуло что-то теплое, почти искреннее, и у меня на мгновение екнуло сердце. Вот же хороший артист, ты на него посмотри! В королевской опере бы ему выступать.

— Юна, — он встал и шагнул ко мне, — а я уже начал волноваться.

— Почему? Все в порядке вроде. — Я сделала вид, что удивилась, и тут же будто вспомнила, смущенно потупилась: — Ой, точно... Прости, я сегодня не сделала конспектов по лхаским рунам, так устала, что утром проспала все на свете.

Я смотрела на него и впервые видела его по-настоящему. Не через розовые очки влюбленности, а холодно и внимательно. Он улыбался, но я видела, как его пальцы чуть заметно сжались в кулак, когда я сказала, что проспала. На секунду в его глазах мелькнула тень раздражения, он-то ждал конспект.

— Не бери в голову, лучше отдохни, а с конспектом я разберусь. И вообще, Юна, ты выглядишь уставшей. Отдохни нормально.

Если бы я не ждала фальши, не всматривалась, ловя малейшие изменения его мимики, я бы ничего не заметила, но сейчас я ясно видела, что он врал. Разве что об отдыхе сказал по-настоящему искренне, но не с заботой обо мне, а, скорее, боясь, что я поломаюсь и слягу надолго.

Стало так горько, что я скривилась. Чтобы оправдать гримасу, схватилась за виски, потеряла.

— Да, мне надо отдохнуть, — кивнула я.

— Юна, — остановил он, сунул руку в карман и вдруг вытащил колечко.

На глаз не определить серебряное оно или только посеребренное, ободок тонкий, гладкий, ни камня, ни чеканного узора — дешевле только проволоку намотать.

Глава 4

— Это тебе, — сказал он, и в его голосе вдруг проскользнула неуверенность. — Как знак... Юна, ты так много для меня значишь.

— Спасибо, — пробормотала я.

Не в силах выдержать его внимательный взгляд, я уставилась на кольцо. Зачем Ингрем заморочился? Прежде он меня подарками не баловал, а тут внезапно...

Стараясь не выдать своих подозрений, я осторожно потянулась к кольцу. Если оно зачаровано, магия отзовется покалываниями в коже, однако худшие подозрения все же не оправдались, кольцо было чистым, ничем не фонило. Да и тонкой полоски серебра, насколько я себе это представляю, не хватит, чтобы удержать чары.

— Позволишь?

Ингрем будто боялся, что я откажусь. Хороший артист...

Он ведь притворяется! Совершенно точно, он притворяется.

Я кивнула, давая согласие.

Почему-то его руки едва заметно дрожали, когда он надевал мне на палец кольцо, настолько невесомое, что я почти сразу перестала чувствовать потеплевший металл. Внутри екнуло, и я вдруг усомнилась. А что, если я ошиблась? Что, если Ингрем не играл со мной? Вдруг я неправильно поняла подслушанный разговор?

Мысль была неправильной, опасной, но воткнулась как противная заноза, а Ингрем еще и наклонился к моей руке, быстро коснулся пальцев губами, потом мы встретились взглядами. В глазах Ингрема не было ни торжества победителя, ни холодного любопытства охотника. Я видела смесь нежности и восторга.

— Юна... — Ингрем буквально лучился счастьем.

— Мне пора, — прошептала я.

— Юна?

Пусть думает, что я смутилась.

Я отступила на шаг, развернулась на пятках и бросилась прочь, боясь, что позволю себя обмануть, снова утону в розовой иллюзии.

— До вечера! — крикнул он вслед.

Я вылетела из библиотеки так, будто за мной гнались все призраки Дакийской гробницы сразу. Ну что такое? Почему? И больно так... И сердце колотится где-то в горле.

Чувства смешались, и я больше не могла разобрать, что именно меня сейчас душит. Злость на Ингрема за то, что он вообще затеял этот фарс? Горечь обиды? Ярость на себя за свою наивность и доверчивость, за то, как легко и глупо я позволила себе обмануться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.